

Во-вторых, в судебном диалоге действуют предусмотренные законом ограничения на согласование реплик по иллюкутивной силе [6]. Так, уместной речевой реакцией, с точки зрения Гражданского процессуального кодекса, на объяснение процессуального оппонента, заключение эксперта, показания свидетеля является только вопрос. Ср. соответствующий пример:

С. (*заслушав объяснения О., обращается к И.*) Вопросы к ответчику.

И. В рассказе ответчика нет ни слова правды. Из его слов получается, что меня уволили за систематическое неудовлетворительное выполнение трудовых обязанностей во время испытательного срока. Но не за однократное грубое нарушение.

С. (*обрывая*) Это не вопрос. Сформулируйте вопрос правильно.

И. (*недоуменно*) У меня нет вопросов.

Закон, подчеркнем, исключает такую реакцию сторон на утверждения друг друга, как возражение, естественное для конфликтного типа речевого взаимодействия.

Итак, правила оформления речевой реакции в судебном диалоге устанавливают фиксированную мену коммуникативных ролей и характер целесообразной прагматической связи между репликами процессуальных участников.

3. Подведем итоги.

Для судебного разбирательства характерна внешняя диалогическая форма – чередование реплик его участников. Вместе с тем судебному диалогу противопоставлены многие признаки естественной диалогической речи. Процессуальные оппоненты не являются полноправными участниками судебного диалога: судебное разбирательство не предполагает свободной мены коммуникативных ролей и непринужденного ответного реагирования. Социально приемлемым для судебного разбирательства является ритуальное поведение.

Судебно-процессуальную деятельность организуют исторически сложившиеся социокультурные (в том числе речеведческие) нормы, многие из которых закреплены в законе. Функционирование любого социального института опирается на конвенции (см.: [4]), однако суд – сфера, требующая максимального исполнения конвенциональных норм. За их несоблюдение предусмотрены санкции (в виде предупреждения, удаления из зала судебного заседания и наложения штрафа).

Основным условием успешного общения и эффективной защиты прав в ходе судебного процесса является знание закрепленных за ним социокультурных норм и умение им следовать, так как исполнению конвенциональных ролей учатся путем участия в организованных группах [7, с. 50].

Выявление механизмов ориентации в ритуально-ролевой обстановке общения, а также того, как формируются навыки порождения адекватной «ролевой» речи, – задача последующих работ по изучению судебной коммуникации.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // ФН. 1970. – № 3.
2. Валюсинская З. В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста / Отв. ред. Г. А. Золотова. – М., 1976.
3. Земская Е. А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. – М., 1988.
4. Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения // ВЯ. – 2004. – № 6.
5. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. – М., 1976.
6. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // ИАН. СЛЯ. Т. 41. – 1982. – № 4.
7. Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов н/Д, 2002.
8. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М., 1986.

Кресан Е. Я., Танцюра А. А.

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Подлинное изучение художественного текста возможно лишь при подходе к произведению как к единой, многоплановой, функционирующей структуре. Поскольку ни контекстуально-интерпретационный, ни филологический, ни иной отдельно взятый анализ текста не является исчерпывающим, представляется целесообразным применение комплексного подхода к его рассмотрению.

Актуальной разработкой комплексного анализа текста является **метод диалогической интерпретации** Е. А. Селивановой [13], исходящий из диалогической коммуникативной модели и опирающийся на принципы общей методологии функционализма. Принцип диалогичности, лежащий в основе метода, восходит к концепции диалогичности гуманитарного познания М. М. Бахтина [2], а также к понятию герменевтического круга Ф. Шлейермахера [см. 6], учитывающему интерактивность автора и читателя, читателя и текста, текста и языка, эпохи автора. Согласно концепции М. М. Бахтина, существует ряд *аспектов* диалогичности. *Первым* является *гносеологический*, основывающийся на антиномии личности, предмета и вещи (В. Дильтей, Б. Рассел, А. Мейер, П. Флоренский, С. Булгаков, Г. Шпет и др.) и предполагающий сложные взаимоотношения автора и интериоризованного бытия, читателя и бытия, текста и бытия [см. 13]. *Второй* аспект (*языковой*) определяет диалог человека и языка и проявляется в возможности для творческой личности прорыва из плена языковых стереотипов. *Третий* аспект диалогичности (*культурноисторический*) отражает связь текста, личностного сознания автора и читателя с кодом культуры в ее развитии во времени и пространстве, в частности, с текстами-предшественниками. *Четвертый* аспект (*коммуникативный*) основывается на взаимодействии автора-функции как текстового аналога отсутствующего автора и гипотетического адресата, заложенного в текстовой программе адресованности, с реальным читателем. *Пятый* аспект диалогических отношений (*текстовый*) находит выражение в специфике соотношения персонажей текста с авторской функцией и диалога героев. Множественные внутри- и междуаспектные реляции диалогичности, обуславливают возможность приложения ее модели к тексту в его современном понимании как особой коммуникативной ситуации [см. 13, с. 149-156].

Таким образом, метод диалогической интерпретации представляет собой совокупность процедур анализа текста как знакового посредника дискурса с учетом экстралингвистических факторов текстовой коммуникации на основе интегрирующего принципа диалогичности. Процедурные звенья этого метода соответствуют prevailing в дискурсе диалогическим отношениям между его компонентами [13, с.264].

Первым звеном анализа является определение места текста в системе текстовой парадигматики и синтагматики (определение речевого жанра, типа текстемы, функционально-стилевых особенностей произведения). *Второе звено* анализа предполагает рассмотрение текста как отражения структуры сознания автора в социокультурном контексте эпохи порождения текста. *Третьим звеном* служит установление диалогичности текста с личностью адресата (значимости текста для эпохи его восприятия, эффективности текста по отношению к интерпретатору). *Четвертое звено* представляет собой описание диалогических отношений текста с интериоризованным бытием (семиотический анализ текста как моделирующей системы). *Пятым звеном* анализа служит исследование соотношения текста с культурой, наукой, литературой, а также мифом на основе коллективного бессознательного. *Шестое звено* предполагает формулирование текстового концепта, характеристики концептуального пространства текста, глубинных смыслов, подтекста. *Седьмое звено* анализа представляет собой характеристику основных текстово-дискурсивных категорий и подкатегорий, описание изобразительных средств и принципов выдвижения [13, с.264-267].

Представленная методика исследования текста опирается на ряд частных методов лингвистической теории текста и коммуникации: контекстуально-интерпретационный, психолингвистического шкалирования, когнитивного картирования, семиотического, архетипического, структурного, концептуального, стилистического анализа и т. д.

Практическая часть статьи является кратким отчетом об апробации комплексного метода изучения текста на материале повести «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» американского писателя Р.Баха.

Философская притча Р. Баха отличается жанровым своеобразием и, несмотря на тривиальность использованных автором приемов, все же не является тривиальным образцом массовой литературы. Это произведение относят к области аллегорий, так как очевидным является наличие евангельской структуры сюжета, а именно, изгнание, избранность, смерть и воскресение, чудеса и т. д. Данная структура сознательно модифицирована, посредством перенесения сюжета в аллегорическую плоскость. Происходит процесс обновления традиционных черт евангельского мифа за счет привлечения идей дзен буддизма, основные положения которого адаптированы к особенностям христианской культуры [15]. Подобное сосуществование идей формирует новый взгляд на роль личности в жизни социума. Наличие евангельских мотивов в несколько трансформированном виде определяет схожесть притчи с более широким кругом явлений на всех уровнях западной культуры, а именно, с **неоромантической волной** [15].

Особенностью этого направления является, с одной стороны, полнейшая определенность и нерушимость его существования, а с другой – полнейшая неопределенность, несходство и неравнозначность составляющих его величин. На всех уровнях неоромантической волны наблюдается явление разочарования и, как следствие, иронии. В рамках данного направления, философская притча Р.Баха описывает процесс адаптации традиционных общечеловеческих ценностей в обновленных иронией формах [15]. Тем не менее, притча сохраняет некоторую исключительность с намеком на наличие иных влияний, в связи с которыми вспоминается одно из направлений постмодернистской художественной литературы – **магический реализм**. Сходство, прежде всего заключается в характерной примете магического реализма – его использования для исследования героев и общностей, оказавшихся за чертой объективного направления культуры какого-либо социума [19]. Кроме того, магический реализм предполагает сочетание обыкновенных событий (например, описание будничной жизни стаи чаек) и неординарных (тренировка чайки с целью достижения виртуозного мастерства полета). Однако аллегоричность и назидательность произведения не позволяют однозначно отнести его к этому направлению, поскольку такие черты не присущи магическому реализму. Таким образом, первый этап исследования текста повести Р.Баха завершается выводом о том, что философская притча о чайке вобрала в себя черты различных направлений литературы постмодернизма.

Важную роль в процессе создания художественного произведения выполняют, с одной стороны, конкретные культурно-исторические условия, а с другой – личность самого автора, его мировоззрение и созданная его сознанием модель мира (см. второе звено анализа). Одной из предпосылок появления притчи Р.Баха представляется наличие проблем духовного порядка в американском обществе [5]. В связи с этим следует отметить, что важнейшей составляющей американской мифологии является ответственность человека за свою судьбу и образ мыслей [там же]. По мнению Г. Г. Почепцова именно мифологические архетипы в основном определяют взаимоотношения в социуме. Миф объединяет в себе рациональный и иррациональный аспекты, предоставляя собственную интерпретацию окружающему миру. Эффективность действия мифа обусловлена тем, что его истинность задана априорно [12, с. 557-558]. Особенностью культурно-исторического развития американского общества является постепенная потеря культурной и духовной связи с истоками традиций [5]. В качестве следствия возникает вакуум духовности, ограничивающийся постулатами свободы, равенства и братства. В таких условиях развивается социальный уклад жизни, при котором основной целью существования человека становится удовлетворение своих потребностей, но, в то же время, фактически невозможными предстают преследуемая ответственность за собственную судьбу и самостоятельность мышления (человек как социальное существо постоянно находится под давлением социума, который в значительной мере влияет на него стандартным для всех распорядком и четким распределением социальных ролей). Существует мнение о том, что именно поиск свободы от социальных ограничений послужил толчком для написания автором этого произведения [5]. Авторская модель мира как отражение структуры сознания создателя текста (психолингвистический аспект исследований) может рассматриваться в различных ракурсах, например, с целью определения эмоционально-смысловой доминанты текста. Эмоционально-смысловая доминанта «Чайки»

является «светлой»: эмоционально приподнятый, возвышенный стиль, соответствующий описанию благородных целей героя, путь к свету через проживание истины, враждебность окружения, избранность и т. д. [4, с. 75-76].

В ракурсе *психолингвистики*, текст рассматривается не только как продукт преломления действительности в языковом сознании автора [4, с. 13-14], но и в связи с мировоззрением и установками адресата-интерпретатора (см. третье звено анализа). Огромную роль в появлении и понимании литературного произведения выполняет его культурный контекст. Для рассмотрения различий и совпадений, существующих в вербальном и невербальном опыте разных лингвокультурных сообществ, используется теория лакун [14, с. 6].

Предметом семиотического анализа текста (см. четвертое звено) является соотношение искусства и жизни, художественного произведения и действительности. Художественный текст выполняет функцию коллективной культурной памяти и выступает в роли медиатора, способствующего перестройке личности читателя и смене ее структурной самоориентации, а также уровня ее связи с метакультурными конструктами [13]. В роли таких метакультурных построений в повести Р.Баха выступает обнаруженная нами последовательность постулатов восточной духовной традиции: наличие двух миров, нуждающихся в гармонизации и, в идеале, в совмещении (миры объективной и субъективной реальности); ориентация культуры на мир объективной реальности; жесткое распределение ролей в социуме; несовпадение целей и задач социума и личности, и вытекающие отсюда трудности ее самораскрытия, самореализации и самоидентификации; необходимость индивидуальной работы над собой и разотождествление с социумом как часть духовной работы; поиск личностью референтной группы и т. д. [10, с. 13-114].

Согласно базовым положениям данной традиции, человек как самосознание находится на границе между двумя мирами – объективной и субъективной реальности [9, с. 33-34]. В процессе описания мира объективной реальности человек фиксирует любую интеллектуальную установку по отношению к ней, однако то место, которое занимает в ней сам индивидуум как часть объективной реальности, выключается и не поддается освещению интеллектом [9, с. 34, 71]. Человек, избравший путь духовного развития, прежде всего, стремится к освобождению от социального давления, но, с точки зрения социума, становится асоциальным, так как нарушает стандартизированные устои жизни [8, с.103]. В повести Р. Баха наличие такого конфликта является очевидным: стая изгоняет Джонатана, поскольку его нежелание жить по общим для всех законам воспринимается окружением как угроза установленному порядку.

Важным звеном диалогического исследования художественного текста является анализ его взаимодействия с коллективным бессознательным. Процедура архетипического анализа предполагает сличение концептуального пространства текста с имеющимися в научной литературе архетипическими списками [3, с.226], выдвижение гипотезы архетипа и ее доказательство путем установления средств и способов проявления архетипов [13, с. 266].

Мифологический базис философской притчи Р. Баха содержит в себе архетипические мотивы, алгоритмирующие сложный процесс личностного развития главного героя. Достижение самореализации возможно при условии различения и развития всех суб-личностей, скрытых в бессознательном индивидуума и связанных с коллективным бессознательным [11, с. 7-8]. Процесс индивидуализации (расширение границ САМОСТИ и обогащение ее содержания) сопровождается обращением к внутреннему миру, осознанием своего духовного призвания, поиском путей его реализации [Antsyferova. Началом интеграции САМОСТИ для главного героя повести стало осознание собственного призвания: I just want to know what I can do in the air, and what I can't, that's all. I just want to know [с.15].

В процессе самореализации Чайка Джонатан Ливингстон претерпевает целенаправленную трансформацию личности, обусловленную негармоничным характером структуры САМОСТИ. Внутренние конфликты порождают у героя сомнения в правильности выбора жизненного пути. Таким образом вступает в действие архетип ТЕНИ, проявляющий себя в виде комплекса неудачника: I must forget this foolishness. I must fly home to the Flock and be content as I am, as a poor limited seagull [с. 26]. Обретение Джонатаном своего ЭГО происходит в результате преодоления деструктивного влияния ТЕНИ [1, с. 13]. На этом этапе герой начинает осознавать свою миссию – прогрессорскую работу по совершенствованию мира.

Джонатан Ливингстон достигает полноты ощущения бытия посредством интеграции своего сознания с бессознательной частью психики, вследствие чего осуществляется так называемая «трансцендентная функция души» [16, с. 148]. Образ птицы (Чайка) как раз и является символом трансценденции – свободного полета к неизведанным высотам духа [16, с. 149]. Птичий образ Джонатана следует, таким образом, рассматривать как символ свободы личности и возможности подняться к духовному призванию.

Исследование концептуального пространства текста (см. шестое звено анализа) проводилось в русле фреймового анализа образов персонажей, на основе модели предметно-центрического фрейма С.А. Жаботинской [7]. Поскольку построение межфреймовой сети [17] и описание тематических макроструктур осталось за рамками когнитивного анализа повести, ее концептуальная характеристика не является исчерпывающей и требует серьезной доработки, в частности, анализа отношений между фреймами: генерализации, конкретизации, причины/следствия, условия/результата и др. [13, с. 249]. На шестом этапе представленного метода анализа текста следует также уделить внимание рассмотрению макроконнекторов, глобализирующих связность тем и формирующих «смысловые поля» [13, 249-250]. В тексте притчи Р. Баха макроконнектором является концептуальная метафора, предложенная в работе Ж. Р. Лапера, – «Жизнь – это движение вперед» [18, с. 5]. В процессе разворачивания сюжета манифестируется идея поиска смысла жизни в деятельности, направленной на достижение совершенства.

В перспективе остается седьмой этап исследования повести, предполагающий внутримодульный анализ текста с возможным выходом на его текстовую модель.

В целом, метод диалогической интерпретации текста требует значительных затрат времени и усилий исследователя, но именно такой подход соответствует целям и задачам современной научной парадигмы, в рамках которой текст рассматривается в ракурсе взаимосвязей с более широким контекстом жизни.

Источники и литература

1. Анцыферова Л. И. Архетипическая теория развития личности Карла Густава Юнга // Психологический журнал. – 2000, – Т. 21. – № 3. – С. 10-19.
2. Бахтін М. М. Проблема тексту у лінгвістиці, філології та інших гуманітарних науках // Антологія світової літературно-критичної думки. – Львів: Літопис, 1996. – С. 318-323.
3. Белехова Л. І. Словесний поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії): Монографія. – Херсон: Айлант, 2002.
4. Белянин В.П. Основы психолінгвистической диагностики (Модели мира в литературе). – М.: Перивола, 2000.
5. Гавриленко Э. Ричард Бах (Без права на ошибку или американская трагедия) <http://arimoya.spb.ru/Bach.htm>
6. Гадамер Г. Г. Герменевтика і поетика / Вибрані твори / Пер. з нім. – К.: Юніверс, 2001.
7. Жаботинська С. А. Концептуальний аналіз: типи фреймов // Вісник Черкаського ун-ту. – Вип. – 11. Сер. Філологічні науки. – Черкаси, 1999. – С. 12-24.
8. Калинаускас И. Н. В поисках света. – СПб.: Фонд «Лики культур», 2001.
9. Калинаускас И. Н. Игры, в которые играет Я. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2003.
10. Калинаускас И. Н. Хорошо сидим! – СПб.: Невский проспект, 2004.
11. Колесникова В. І. Ідеї аналітичної психології К. Г. Юнга в дослідженні проблеми особистісного розвитку: Автореф. Дис. ... Канд. псих. наук. – К., 2003.
12. Почепцов Г. Г. Паблік рилейшинз для професіоналов. – М.: Редол-бух, К.: Ваклер, 2001.
13. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: Фитосоцицентр, 2002.
14. Сорокин Н. А. Этнопсихолінгвістика. – М.: Наука, 1988.
15. Туровская М. Три жизни «Чайки по имени Джонатан Ливингстон» // www.mai.ru/projects/flight/bach/art003.htm
16. Юнг К. Г. Человек и его символы / Под общ. ред. С. Н. Сиренко. – М.: Серебряные нити, 1998.
17. Fauconnier G. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22(2). – P. 133-187.
18. Lapaire J-R. Imaginative Grammar: Unpublished Manuscript. – Bordeaux University, France.
19. Rogers H.B. What is Magical Realism, Really? / com/sf/realism.Shtml

Крижановська Т.

ІНТЕГРАТИВНІ ОПОЗИЦІЇ В СИСТЕМІ ЛЕКСИЧНИХ ОДИНИЦЬ НА ПОЗНАЧЕННЯ КОНЦЕПТУ *WISDOM/МУДРІСТЬ* В АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Протягом двох останніх століть вчених цікавлять проблеми взаємозв'язку мови та її носіїв. Ще в 19 столітті такі вчені, як Ф.Фортунатов, Г. Шухардт, а пізніше і К. Фосслер, О. Шахматов, У. Вайнрайх, В. Абаєв, Б. Серебренніков та інші розмірковували про зв'язок історії та культури народу з його мовою. Саме в мові фіксуються і знаходять своє вираження різноманітні факти не лише з історії, особливості культури народу, його традиції, обряди також отримують відображення в мовних знаках. Я. Гримм називав мову живим свідомством про народи.

З появою і активним розвитком когнітивної лінгвістики в кінці 20 століття приходить і розуміння того, що зв'язок між мовою і історією та культурою народу встановлюється у мисленні народу (Н. Арутюнова, Т. Булігіна,

А. Вежицька, С. Жаботинська, О. Кубрякова, Р. Фрумкіна). Найбільш важливим і найбільш опрацьованим розділом когнітивної лінгвістики, на думку М.Кочергана, є когнітивна семантика, головним завданням якої є виявлення і пояснення того, «...як організоване знання про світ у свідомості людини і як формуються і фіксуються поняття про світ» [1, с. 149]. Представниками цього підходу є американські вчені Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Ч. Філлмор, Л. Талмі, Р. Дженкендорф та інші.

Отже характерною рисою сучасних досліджень є вивчення мови у тісному зв'язку з людиною, її свідомістю, пізнанням навколишньої дійсності та її практичної діяльності. Людина не просто пізнає світ, вона живе в ньому. Завдяки цьому в мові знаходить своє вираження не лише об'єктивна дійсність, а й сама людина. Тому особливе значення надається проблемі співвідношення мови та мислення, а також виявленню закономірностей утворення абстрактних концептів і їхньому вираженню в семантичних просторах різних мов.

На думку В. М. Русанівського, «...вивчення всіх інгредієнтів мови як складної системи повинно починатися із з'ясування внутрішньої форми слова» [3, с. 14].

Дослідження лексичних засобів англійської мови на позначення концепту *wisdom/мудрість* ґрунтується на базі словникових дефініцій. Як відомо, семи в структурі слова організують ієрархію. Тому при дослідженні цієї структури в ній необхідно «...виділяти найбільш загальні семи, яким підпорядковуються усі інші, менш загальні» [2, с. 34]. Під семою ми розуміємо мінімальний елемент змістової сторони мови, що є елементарним відображенням у ній різних сторін означуваних предметів та несе в собі різні види інформації про навколишню дійсність, яка позначається словом (Д. Болінджер, Д. Шмелев, Р. Гайсина, М. Кочерган).

Метою статті є дослідження семної структури лексичних одиниць на позначення концепту *wisdom/мудрість* в англійській мові, а також кількісні та якісні відношення між ними.

Матеріал дослідження складають семантичні компоненти значень лексичних одиниць на позначення концепту *wisdom/мудрість* в англійській мові та самі лексичні одиниці, відібрані з Великого Оксфордського Словника (The Oxford English Dictionary: 12volumes).

Американський дослідник Г.-Й.Шмід, вивчаючи абстрактні іменники, що мають рамкову конструкцію (shell-nouns), відносить іменник *wisdom/мудрість* до групи концептуальних іменників, які вміщують в себе будь-який вираз думки, поглядів, ідей [5, с. 185]. На його думку, концептуальні іменники з рамковою структурою не лише утворюють концепти, а й самі є концептами [5, с. 188].

Щоб точно розкрити та зрозуміти структуру концепту *wisdom/мудрість*, треба детально дослідити семну структуру лексичних одиниць, які його вербалізують. Методом компонентного аналізу з Великого Оксфордського Словника нами було відібрано 380 лексичних одиниць на позначення вказаного концепту, які характеризуються 1185 значеннями. Структура більшості зазначених лексичних одиниць у сучасній англійській літературній мові складається з великої кількості ознак, які сприяють як їхньому входженню до різних понятійних полів, так і взаємоперетинанню одне одного в межах єдиного лексико-семантичного поля.